

УДК 323(470)
ББК 66.041.121

О. В. Попова

Ценностные ориентации российской политической субфедеральной элиты

O. V. Popova

The Value Orientations of the Russian Subfederal Political Elite

Статья посвящена актуальной проблеме — оценке инновационного потенциала современной российской субфедеральной политической элиты на основе системы ее ценностных ориентаций. Эмпирической основой статьи послужило Всероссийское социологическое исследование Российской ассоциации политической науки «Рекрутирование политических лидеров муниципального и регионального уровня в современной России: проблемы оптимизации и повышения общественно-политической эффективности», выполненное в 2012 г. В ходе исследования использовались методы неформализованного глубинного интервью и фокус-группы. Автор обосновывает причины отсутствия значительных идеологических расколов в сознании представителей элиты и неизбежность межпоколенных различий смысловых ценностей представителей субфедеральной политической элиты. Общий вывод статьи заключается в признании ограниченности способности данной социальной группы к инновационной деятельности и модернизации России.

Ключевые слова: Россия, политическая элита, региональная элита, ценности, ценностные ориентации, инновационная личность, модернизация, Р. Инглхарт.

DOI 10.14258/izvasu(2013)4.2-58

После президентских выборов 2012 г. одна из популярных программ предыдущего президента России Д. А. Медведева — программа модернизации всех сторон российской жизни — все реже упоминается в публичном официальном политическом дискурсе, что, однако, не делает эту задачу менее актуальной для нашей страны. Но кто реально может выступить субъектом модернизационных процессов в стране? Предполагается, что значимым политическим актором должны стать представители региональной политико-административной элиты как наиболее вероятные и преданные проводники политики федерального Центра.

Ценности самовыражения напрямую связаны с демократизацией режима. Как отмечает Р. Инглхарт, «модернизация влечет за собой изменения культурного характера, результатом которого становится формирование и расцвет демократических институтов.

The article is devoted to an important issue — evaluating innovation potential of modern subfederal Russian political elite through the analyses of their value system. The empirical basis of the article was the sociological survey «Recruitment of Political Leaders of Municipal and Regional Levels in Modern Russia: the Problem of Improving Social and Political Proficiency» conducted by the Russian Political Science Association in 2012. The researchers used methods of non-formal interviews and focus groups. The author makes the case for the reasons for the lack of significant ideological differences in the mindsets of the elite and the inevitable generation gaps in basic value paradigms of subfederal political elites. It has been concluded that the group under study has a limited ability for innovative activity that can lead to modernization of Russia.

Key words: Russia, the political elite, the regional elite, value, value paradigm, innovative activity, modernization, R. Inglehart.

Лейтмотивом процессов модернизации, утверждения ценностей самовыражения и демократизации является усиление личной независимости. Эти процессы придают обществу все более гуманистический характер, т. е. ставят в его центр человека» [1, с. 16–17].

В связи с этим неизбежно возникает вопрос о смысловых и идеологических ценностях, которыми руководствуются эти группы. Ценности традиционно понимают как недоступные непосредственному наблюдению, но выражающиеся в повседневной практике и спонтанном дискурсе «глубоко скрытые общие принципы, лежащие в основе мотиваций, установок и ориентаций, направляющих те или иные человеческие действия» [2, с. 255]. Прямой каузальной связи между ценностями и точкой зрения на тот или иной вопрос, а также поведением как эмпирически фиксируемой зависимостью «стимул — реакция» чаще всего не наблюдается. Кроме того, дискурсив-

ные практики и действия людей чаще всего являются производными не одной, какой-либо самостоятельно проявляющейся ценности, но целого их спектра. Вместе с тем свободный, спонтанный характер речи в неформализованном интервью дает прекрасную возможность аналитику с помощью качественных методов выявить систему ценностей респондентов. Ментальные структуры обладают достаточно высокой степенью устойчивости во времени и детерминируются как сложившимися в обществе отношениями, так и некоторыми личностными характеристиками; безусловное влияние на систему ценностей индивидов оказывает их пол, возраст, особенности социализации, жизненный опыт и т. д.

Среди современных исследователей основной тезис концепции ценностей Рональда Инглхарта о том, что социально-экономическое развитие государства влияет на трансформацию ценностей в сознании граждан этой страны, не вызывает сомнений, равно как и тезис о влиянии ценностей на характер деятельности людей и в результате — на характер модернизационных процессов в стране.

Однако хотя социально-экономическое развитие оборачивается предсказуемыми изменениями в мировоззрении, культурные традиции социума также оказывают на мировоззрение людей существенный отпечаток. Преобладающие ценностные ориентации — продукт взаимодействия движущих сил модернизации и сдерживающего влияния традиции. Распространение ценностей самовыражения превращает процесс модернизации в процесс человеческого развития, повышающего степень индивидуальной свободы и расширения спектра выбора.

Представления индивида о семье, работе, религии, экологии, политике и межличностных отношениях соотносятся с 2 измерениями: поляризацией традиционных и секулярно-рациональных ценностей и поляризацией ценностей выживания и самовыражения.

Теория Р. Инглхарта зиждется на доказательстве с помощью эмпирических исследований тезиса о том, что в богатых странах межпоколенческие разрывы связаны с доминированием среди молодежи секулярно-рациональных ценностей и ценностей самовыражения, в то время как в бедных странах эти разрывы связаны не с межпоколенческими разрывами, а с изменениями исторического характера. Но в любом случае, становясь старше, люди не становятся большими приверженцами традиционных ценностей, как это можно было бы ожидать исходя из теории «жизненного цикла».

Р. Инглхарт исходит из тезиса о связи ценностей и институтов, как сам он признает, «очень спорного тезиса» [1, с. 21]. По мнению этого исследователя, формирование пула постматериалистических ценностей формирует серьезные предпосылки для демократизации политических институтов. Напомню, что эта

концепция развивается им с 1970-х гг. и прошла серьезную апробацию в рамках 4-х волн исследований программы «Values Survey», основанной на анкетировании с жестким альтернативным вербальным выбором ценностей, последняя из которых — «World Values Survey» — охватила 80 стран. Ставшая традиционной шутка относительно России гласит, что наша страна — всегда исключение. Тем не менее в исследованиях Р. Инглхарта Россия занимает некое «среднее положение».

В данной статье проблема исследования ценностей звучит в несколько ином ключе. Он представляет небольшой фрагмент крупного межрегионального социологического исследования «Рекрутирование политических лидеров муниципального и регионального уровня в современной России: проблемы оптимизации и повышения общественно-политической эффективности», проведенного РАПН в 2012 г. в 9 субъектах Российской Федерации: Алтайском крае, Воронежской области, Краснодарском крае, Ленинградской области, Омской области, Пермском крае, Республике Коми, Республике Татарстан, Санкт-Петербурге. Метод сбора информации — глубинное нестандартное интервью (90) и фокус-группы (18), в том числе с представителями региональной политической элиты — 54 и 9 фокус-групп.

Сами интервью были посвящены личной и профессиональной биографии региональных политиков, становлению и развитию их карьер. Нам представляется очень интересной в методическом отношении задача на основе свободного интервью, каждое из которого продолжалось от 35 минут до почти 2 часов, и фокус-групп продолжительностью от 1 до 1,5 часов вычленивать значимые для представителей этой группы ценности.

Мы исходим из тезиса о том, что в современном российском обществе элитные группы являются ведущей силой социальных и политических изменений — основными политическими акторами, а потому от их установок и доминирующих ценностей во многом зависят изменения в стране.

Российская региональная политическая элита, объединяющая собственно публичных политиков, избираемых на уровне субъектов Российской Федерации (депутаты региональных законодательных собраний и госсоветов республик, а также губернаторы регионов), и административно-управленческой элиты, включающей членов регионального правительства («команду губернатора» (вице-губернаторов), ведущих сотрудников административного аппарата, руководителей и ведущих сотрудников комитетов и отделов и т. д.).

В настоящее время эти группы оказались в достаточно неоднозначной ситуации, поскольку занимаемые ими должности, с одной стороны, дают серьезные предпочтения в политическом, социальном и экономическом

ческом плане, обеспечивая высокий (по российским меркам) гарантированный стабильный материальный уровень жизни их обладателям и позволяя активно участвовать в экономических, социальных и политических реформах; с другой стороны, принадлежность к региональной политической элите несет в себе достаточно высокие риски, связанные с возможностью утраты этих преимуществ и с морально-психологическими особенностями работы в политико-управленческой сфере.

По сравнению с 1990-ми — первой половиной 2000-х гг. принципиально изменилась расстановка сил на региональной политической арене, характер отношений региональной власти и федерального Центра, системные характеристики политической жизни в стране, что существенным образом влияет на особенности самоопределения российской региональной политической элиты и их ценности.

Проведенный дискурсивный анализ показал следующее:

1. Доминирующей ценностью является материальное обеспечение (*«материальные стимулы в какой-то степени повлияли, потому что, конечно, я никогда не стремился к большим деньгам, но всегда хотел иметь средства для нормального комфортного проживания: хорошее жилье, одежда, машины, возможность завести детей»*).

2. Признается исключительно значимой работа в сфере собственно публичной политики и политического управления (*«те люди, которых я знаю в политике, они все исключительно работоспособны, спят мало, работают много»*).

3. Общение в семье представляет определенную ценность, но не доминирующую. По крайней мере, для большего числа респондентов эта ценность менее значима, чем работа. Налицо влияние гендерного фактора: женщины в большей степени ценят межличностное общение с родными, чем мужчины (*«... да, важно пообщаться там с детьми, внуками, женой, естественно... [на вопрос о потребности общаться больше] да нет, достаточно»*).

4. Очень ярко декларируется лояльность в отношении к власти как добродетель, норма и ценность представлений и поведения всех людей без исключения (*«люди должны в принципе поддерживать власть... Фактически это даже в основных религиях зафиксировано, что всякая власть от Бога, что нужно всегда поддерживать действующую власть»*).

5. Декларируется ценность наказания как средства контроля за поведением людей (*«он [рядовой гражданин] никогда не станет сознательным, пока у него не отберут машину, не оштрафуют, ну, там, на 80 тысяч рублей, он больше никогда так не сделает... Вот мы как раз будем проводить этот закон... почему пример привел, о том, что будут повышаться штрафы, будут эвакуировать машины. Конечно,*

людям будет очень неудобно, они будут свою машину искать, тратить время на это и т. д. Это будет наказанием. И российский гражданин воспринимает это в штыки, потому что он не хочет признать этого человека виноватым»).

6. Возрастные межпоколенческие разрывы в ценностных представлениях связаны с двумя моментами. Во-первых, ценность самовыражения в большей степени присутствует в дискурсе представителей старшей возрастной группы от 50 лет (*«Стимулы — это самореализация, самоутверждение, ну, материальные стимулы тоже»*. *«Он должен найти для себя то, что будет ему соразмерно, и быть счастливым в своем деле... человек постоянно должен стремиться к совершенствованию, но помнить о том, что пределов совершенствования нет»*). Во-вторых, представители старшей возрастной группы в политико-административной элите подчеркивают коллективистские ценности, в том числе значимость сплоченности коллектива по месту работы. Молодые же региональные чиновники проявляют себя как индивидуалисты (*«Коллектив — это важно. Если тебя уважают, если у тебя выстраиваются конструктивные отношения в команде — это основа»*).

7. Вместе с тем четко фиксируется ряд противоречий в системе ценностей региональных чиновников.

Во-первых, с одной стороны, декларируется как ценность преданность системе своих принципов — одна из экзистенциальных ценностей, согласно Э. Фромму (*«Человек, который не держится за свою политическую позицию, улетает из политики очень быстро, его перестают уважать. Поэтому они все очень упрямы, они все держатся за свои взгляды, держатся за свое понимание»*). С другой стороны, признается неизбежность «актерства» и нравственных компромиссов при работе в региональной исполнительной власти (*«Он не должен быть предателем, хотя должен быть склонным к компромиссам»*), необходимость «держат лицо» и подавлять эмоции в любой ситуации (*«Недюжинное терпение, умение, когда есть необходимость, сдерживать свои эмоции, что, кстати, не является моей сильной стороной»*). Осознаваемая чиновниками необходимость четкого встраивания в иерархическую систему, подавления на рабочем месте индивидуальности и яркости личности, востребованность только качеств, регламентированных должностными инструкциями, в наименьшей степени вызывает психологический дискомфорт в старшей возрастной группе (*«Нужно задать себе вопросы и постараться на них максимально честно ответить: а способен ли я работать на госслужбе? Ведь человек берется на госслужбу, чтобы быть либо неким винтиком, либо выполнять элемент гармонично работающей системы. Для того, чтобы человеку принять решение о переходе на госслужбу, он должен к себе прислушаться»*

и сказать: я готов быть либо винтиком, либо элементом»).

Во-вторых, налицо осознание противоречия между ценностью самореализации в профессии как самоцели и ценностью карьерного роста («*Другое дело, сегодня в карьере, или в желании выстроить карьеру, какие-то такие методы используются не всегда человеческие, нормальные. В жизни много возникает таких фактов, когда искушение добиться чего-то сопряжено с необходимостью кого-то опорочить, как-то себя преподнести... Воспользоваться фактами в рамках своих интересов для того, чтобы соперника утопить или опорочить, а себя преподнести. Вот это — формы очень низкие, неприятные, и они, к сожалению, в нашей жизни сплошь и рядом*»).

В-третьих, существенным образом различается отношение к населению, ради которого, собственно говоря, и работает региональная политико-административная элита. С одной стороны, декларируется необходимость любить и заботиться об этих людях («*Поэтому для политика, несмотря на весь цинизм политической деятельности, иногда очень существенным подспорьем является любовь к людям. Если политик реально любит людей и готов им помогать, у него лучше получается. Если он их ненавидит, как часто бывает, у него получается намного хуже*»; «*кто-то не совсем приятен, кто-то агрессивен. И в этой связи должно быть желание, прежде всего внутреннее убеждение, видеть личность и желание помочь ему, независимо ни от каких других факторов*»). С другой стороны, очень четко проявляется убежденность в том, что те люди, которые приходят за помощью (а в органы власти именно они и обращаются), сами виноваты в своих бедах («*Становление системы и работа непосредственно с теми людьми, которым тяжелее всех. Это пожилые люди, это люди, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, малообеспеченные, дети, инвалиды. И в этом соку приходится вариться, а это достаточно непросто*»). Более того, все неуспешные в социальном плане люди воспринимаются чиновниками как маргиналы («*Им деньги дай — они пропьют. Не работали, пенсию не заработали, детям не помогли. Теперь детям не нужны, внукам тем более*»).

8. Очень важно практически полное отсутствие у региональных чиновников высокого ранга стремления к инновационной деятельности, инициативе в своей работе. Они убеждены, что главное — действие в рамках своих должностных поручений, что автоматически исключает и такие ценности, как самореализация и участие в решении проблем локальных территорий в интересах их населения.

Можно поставить под сомнение и инновационный потенциал российской региональной политико-административной элиты в решении задач современной модернизации нашей страны. В целом результаты ис-

следования показали, что собственно идеологический ценностный раскол в рядах субфедеральной элиты проявляется в настоящее время слабо, хотя некоторые отличия, связанные с членством в определенных партиях, безусловно, есть (максимально отличается риторика представителей элиты — членов КПРФ и ЛДПР).

Вместе с тем смысложизненные ценности, установки и ориентации представителей средней/старшей и относительно молодой возрастной групп заметно различаются, поскольку начинают сказываться необратимые культурные изменения, влияющие на политическую культуру и практику современной российской субфедеральной элиты. В традиционной отечественной культуре особое место занимали коллектив и уважение к власти или авторитету. Откровенный индивидуализм, утрата «чувства локтя», страх потерять жизненные блага «своей» статусной группы начинают явно доминировать над чувствами единения с другими людьми и ответственности перед ними. Удивительным образом трансформируется и отношение представителей власти к самой власти на субфедеральном уровне. Будучи государственниками и обладая значительными полномочиями, эти люди ощущают себя, скорее, исполнителями чужой воли. Все это сочетается с представлением о приоритете частного интереса, автономии личности и персональной ответственности каждого человека за свою собственную судьбу. Нет никаких оснований полагать, что в ситуации конфликта и необходимости выбора российская политическая субфедеральная элита отдаст предпочтение сохранению стабильных социальных отношений и природной среды обитания человека, удовлетворению потребностей личности, а не задаче получить дополнительную прибыль.

Введенное Эвереттом Хагеном понятие «инновационная личность» может быть также использовано для оценки системы ценностей российской субфедеральной элиты. Предполагается учет 4 параметров «инновационной личности»: а) отношение к действительности, которое связано со стремлением индивида воздействовать на явления в социуме и управлять ими; б) понимание роли индивида в мире как готовность принять на себя ответственность за негативные стороны жизни и постоянно пытаться внести изменения; в) стиль лидерства, основанный на откровенности и терпимости к подчиненным, поощрение их стремлений к инновациям; г) степень склонности к созиданию и новациям, творчеству и стимулирование самобытности личности [3, с. 302]. Как показал анализ дискурса представителей российской субфедеральной политической элиты, даже отдельные проявления этих качеств — огромная редкость. Хотя мотивация достижения явно присутствует в рассказе политиков о своей карьере и жизни в целом, однако явно прослеживаются синдромы «присоединения» и «власти», которые

в совокупности препятствуют конструктивной конкуренции в реализации различных программ, оригинальности, выдвижению идей.

В сознании российской субфедеральной элиты абсолютно гармонично сочетаются желание снять с себя ответственность, стремление к безопасности и эгоистической выгоде на работе, с одной стороны, и инициативность, склонность к риску и альтруизму в отношении своей семьи, с другой стороны. Пассивность, осторожность, подчиненность в действиях в общественной/публичной жизни и управлении связана с определенным видением депутатами и сотрудниками исполнительных властных структур рисков и цены активности, что сочетается с разрывом между словом и делом, дискурсивными практиками и реальным поведением. Многие представители региональной элиты склонны к ритуальной активности, которая лишена конструктивного содержания. Конечно, у нас нет оснований говорить о «двойной речи» («структурах организованной лжи») политиков, однако были за-

фиксированы многочисленны ситуации, когда в доверительной беседе в интервью многие из них как бы отстранялись от своей официальной позиции и критиковали ее. Политики признают, что их успехи достигнуты благодаря системе, в которой они действуют. Вместе с тем наблюдается стремление в ходе работы избежать серьезных решений, перекладывая ответственность на других сослуживцев или своих подчиненных («синдром эстафетной палочки») и ожидание, граничащее с требованием, социальных гарантий, «полагающихся по статусу» (синдром «пролонгированного инфантилизма»). «Синдром лилипута» («я всего лишь винтик в этой системе», «я — исполнитель и ничего не решаю») удивительным образом сочетается с представлением региональной элиты о значительности и масштабе собственной личности. Все это в совокупности делает сомнительной способность данной профессионально-статусной группы действительно выступить мотором модернизации в современной России.

Библиографический список

1. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. — М., 2011.
2. Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. — М., 1998.
3. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. — М., 1996.